

Степаницкий В.Б., Шварц Е.А.

Заповедники экотуризма.

Инфраструктура отрасли должна развиваться прежде всего вне границ ООПТ.

Коммерсант. 07.06.2024.

Заслуженные экологи России глава Центра ответственного природопользования Института географии РАН **Евгений Шварц** и сопредседатель МОО «Экспертный совет по заповедному делу» **Всеволод Степаницкий** — о том, почему желающим строить рекреационную инфраструктуру для развития экологического туризма на особо охраняемых природных территориях (ООПТ) стоит приглядеться к территориям за их пределами.

Фото: Марина Молдавская, Коммерсантъ

Развитие экологического туризма во всем мире связано с ООПТ — национальными парками и другими резерватами. Часто на ООПТ есть реальная возможность показывать объекты природного наследия, которые проблематично увидеть на иных территориях. И оставшиеся наиболее ценные участки планеты в обозримом будущем, несомненно, также будут взяты под особую охрану. Во многих случаях замены ООПТ в деле развития экотуризма нет.

Освоить — легион

Экологический туризм не фигура речи. Термин 40 лет назад предложил мексиканский экономист-эколог Гектор Цебаллос-Ласкурейн, отталкиваясь от идеи гармонии между рекреацией и экологией. Термин быстро приобрел популярность, с годами претерпевая модификации. В современном мире экотуризм рассматривают не просто как туризм на

природе, а как активность, содействующую сохранению и восстановлению биоразнообразия и местной социально-культурной среды (или с минимальным негативным воздействием на них), преследующую образование.

В России на протяжении по меньшей мере 30 последних лет идет дискуссия, в которой, с одной стороны, участвуют приверженцы классического понимания экотуризма (крайне обеспокоены нарастающей тут подменой понятий, девальвирующей саму идею, в первую очередь — на ООПТ), с другой — те (а имя им — легион), кому по душе потенциальная возможность на ниве природного туризма освоить с пользой земельные участки на нетронутых территориях, с размахом монетизируя отдых на дикой природе. Последним удается препятствовать появлению в нашем законодательстве цивилизованного понятия «экологический туризм». Для них обычное дело — пытаться протащить в закон постулат о том, что любое посещение туристами ООПТ и есть экологический туризм. Или вообще: раз туризм на природе, стало быть, он и есть экологический.

В России, несомненно, растет интерес к развитию экотуризма, но зачастую под ним понимается своего рода «отмычка» для развития инфраструктуры, вовсе не имеющая отношения к предмету: строительство крупных отелей, горнолыжных комплексов, многополосных велосипедных дорожек с твердым покрытием и т. п. Такие практики вызывают заслуженный протест и широкой общественности, и профессиональных экологов. Полезно обратиться к международному опыту сочетания охраны дикой природы ООПТ с экономическим развитием и инфраструктурным обеспечением экотуризма. В первую очередь в странах, чем-то географически схожих, обладающих большими территориями, где удалось создать и сохранить обширную сеть крупных природных резерватов.

Образование против рекреации

Основная цель посещения ООПТ туристами — любоваться первозданными ландшафтами, наблюдать и фотографировать диких животных в естественной среде. Тут естественно обходиться без дополнительных аттракционов, весьма губительных для дикой природы: горнолыжных курортов, биатлонных комплексов и т. д. Для этого служат иные территории. Первостепенное внимание в инфраструктуре экотуризма уделяют созданию сети пеших троп, дорог и туристских маршрутов, минимизирующих неизбежный антропогенный прессинг и обеспечивающих доступ к наиболее интересным объектам.

Приезжая, к примеру, в национальные парки «Секвойя» или «Йосемити» в США, видишь следующую картину: туристские тропы и маршруты спланированы так, что 90% территории парка остаются малодоступными. Количество троп ограничено, по некоторым из них можно ходить только с гидом или имея серьезную горную подготовку. Другой вариант: ты оставляешь машину и объезжаешь территорию на электромобиле. Есть маршруты, которые позволяют проехать почти весь парк. Но зачастую в твоём распоряжении лишь две парковки — на въезде и в центре, иногда — у наиболее известных достопримечательностей. Естественно, оборудована продуманная сеть пикниковых точек и, разумеется, туалетов. Решена и проблема со сбором и вывозом мусора.

Всего этого не хватает в большинстве российских ООПТ, включая развитую сеть обустроенных троп и маршрутов, позволяющих увидеть ключевые достопримечательности, сохранив природные комплексы. И как это не похоже на Прибайкальский национальный

парк, где остров Ольхон и побережье Малого моря в сезон становятся центром массовой рекреации, местом стихийного размещения палаточных лагерей, лишенных элементарных удобств, что сопровождается замусориванием территории, ее элементарным вытаптыванием и нанесением громадного ущерба экосистеме Байкала.

Не идут на пользу развитию экотуризма на наших ООПТ и очевидные, вопреки мировой практике, недооценка значимости и неиспользование демонстрации посетителям диких животных в естественных условиях. Конечно, сравнивать в этой части (и с учетом биогеографии), к примеру, Сочинский национальный парк (старейший и известнейший в России) со знаменитыми нацпарками Африки, такими как парк Крюгера в ЮАР, «Хванге» в Зимбабве, «Серенгети» в Танзании, «Масаи-Мара» в Кении, будет некорректно. А вот сравнение с нацпарками в североамериканских Скалистых горах вполне уместно и явно не в пользу Сочинского. Обилия зверей там нет, они «нахлестаны», увидеть их непросто, да никто и не старается обеспечить их системный показ. А напрасно. Речь идет о важном элементе привлекательности экотуризма, его значимой просветительской составляющей и существенном условии сохранения животного мира.

Гости вблизи

Один из главных вопросов в разрешении конфликта между охраной природы и туризмом на ООПТ — создание и использование гостевой инфраструктуры. С одной стороны, ее строительство и эксплуатация могут нанести непоправимый ущерб охраняемым ландшафтам и биологическому разнообразию. Однако ее отсутствие — преграда развитию туризма и обеспечению его экономической составляющей. Надежный путь разрешения этого противоречия в мировой практике найден и испытан: размещение объектов «тяжелой» инфраструктуры на участках, прилегающих к внешним границам ООПТ, а не на них.

В большинстве нацпарков западного побережья США такие объекты, например гостиницы (одна-две в каждом, не более), были построены на заре становления системы (в конце XIX — начале XX веков). Стоимость мест в них примерно в два раза выше, чем вокруг территории парка, их нужно бронировать за несколько месяцев, в идеале — за год. Новые же гостиницы внутри национальных парков после 1990-х годов почти не строят — на радость как заповедной природе, так и местному бизнесу: он успешно решает эту задачу на прилегающих к парку территориях.

Такая же ситуация в ЮАР: ночлег внутри знаменитого нацпарка Крюгера стоит почти вдвое дороже, чем даже в лучших лоджах за его границей. Причем мест в лоджах внутри парка без предбронирования может не быть, тогда как вблизи парка их число определяется нелюбимым некоторыми чиновниками рынком. Поэтому практически всегда за сутки-двое можно забронировать более умеренный по цене вариант по соседству с нацпарком. Таким образом, и региональные власти, и бизнес имеют прямую выгоду от того, что рядом привлекательный объект — национальный парк, хотя доход приносит использование инфраструктуры за его пределами.

Национальный путь

К сожалению, в нашей стране сегодня очевидно поощряется строительство рекреационной инфраструктуры на территориях национальных парков. На это ориентированы и поправки в

федеральный закон «Об особо охраняемых природных территориях», вступившие в силу с сентября 2023 года. Да что уж говорить, если Минприроды, утвердив летом прошлого года положение о Тебердинском нацпарке, предусмотрело в нем возможность строительства в рекреационной зоне зданий высотой девять этажей.

Необходимость усиления мер, направленных на минимизацию негативных воздействий на ООПТ в ходе туристической деятельности, признается почти всеми. Исходя из уже принятых и готовящихся к принятию документов, следует предположить, что Минприроды видит в качестве приоритетных мер реагирования расчет предельно допустимой рекреационной емкости (максимально возможного числа туристов, допускаемых к посещению каждой ООПТ), исчисляемой по довольно непростой методике. С учетом апробированного опыта отметим необходимость одновременного внедрения и иной научно обоснованной системы обязательных для каждой ООПТ мероприятий и управленческих решений. В великолепном трансграничном (Бразилия—Аргентина) национальном парке «Игуасу» с его 2 млн туристов в год задача минимизации антропогенного прессинга образцово достигнута путем логистических и технологических решений, а не за счет установки счетчика на входе и объявления «Все билеты проданы». Нам есть чему поучиться и у других стран БРИКС в области экотуризма в нацпарках и иных резерватах: там зачастую есть блистательный опыт, которого заслуживает и Россия.

Очевидно, что туристская отрасль должна быть экономически эффективной. Но нужно помнить, что показателем эффективности госуправления ООПТ должно быть состояние их природных комплексов и объектов, а вовсе не доход от «экотуристического госкапитализма». Вызывает острую обеспокоенность тот факт, что в завершающемся в этом году федеральном проекте «Сохранение биологического разнообразия и развитие экологического туризма» национального проекта «Экология» в части экотуризма не предусмотрен мониторинг рекреационной дегрессии ООПТ, на которых реализуется проект, тогда как увеличение количества посетителей ООПТ является одним из основных показателей проекта. При этом и Сочинский, и Прибайкальский национальные парки здесь демонстрируют солидные показатели — даром что они сопровождаются масштабным уничтожением дикой природы. О развитии экотуризма неоднократно публично говорил президент Владимир Путин, используя термин «экологический туризм» именно в каноническом, природоохранном контексте. Но, похоже, те, кто в первую очередь должен был услышать эти слова, их явно пропустили.

Не дураки

Вклад ООПТ в экономическое развитие регионов может оцениваться через количество граждан, задействованных в обслуживании экотуризма, размер инвестиций в развитие его инфраструктуры, включая дороги и гостиницы, но не на ООПТ, а в первую очередь вокруг них. В идеале всяческое перспективное планирование привлечения таких инвестиций должно обсуждаться с экспертами, а небольшую часть привлеченных средств направлять на мониторинг воздействий туризма — так называемой рекреационной дегрессии — с целью ее минимизации.

Много лет назад один из авторов спросил знаменитого Карлоса Мануэля Родригеса, министра окружающей среды и энергетики Коста-Рики (с 2020 года — исполнительный директор и председатель Глобального экологического фонда), почему он не боится, что

плантации кофе и бананов, которым нужно все время «мигрировать в пространстве» из-за снижения плодородия почв, не «сожрут» знаменитые национальные парки Коста-Рики? Коллега ответил: «Нацпарки Коста-Рики приносят бюджету страны столько же или даже чуть больше, сколько бананы или кофе» (чуть меньше трети доходов бюджета). «Но как же так? — спрашиваю.— Ведь в нацпарках Коста-Рики нет даже платы за вход». «Но мы ведь не дураки,— ответил министр.— Мы считаем все: и инвестиции, и налоги, которые платят большие отели, где при прилете и отлете останавливаются туристы, налоги, которые платят компании, сдающие в прокат машины, каноэ и инвентарь для путешествий, и налоги, которые платят маленькие гостиницы рядом с парками, магазинчики и бары в деревнях, которые выживают благодаря туристам и т. д. Не было бы наших парков, ничего этого бы не было, начиная с пятизвездных отелей в столице — Сан-Хосе».

•